

Russia and Baltia

Issue 7

*Memorable Events
and Historical
Memory*

MOSCOW NAUKA 2015

Россия и Балтия

Выпуск 7

*Памятные даты
и историческая
память*

МОСКВА НАУКА 2015

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)
Р76

Издание основано в 2000 году

Международный научный совет:
академик А.О. ЧУБАРЬЯН (Россия),
доктор истории А. НИКЖЕНТАЙТИС (Литва),
доктор истории Г. СТРАУБЕ (Латвия),
академик Т.-А. ТАННБЕРГ (Эстония)

Редакционная коллегия:
академик А.О. ЧУБАРЬЯН (ответственный редактор),
доктор истории К. БРЮГГЕМАНН (Германия),
кандидат исторических наук А.А. КОМАРОВ,
Ю.Л. МИХАЙЛОВА (ответственный секретарь),
кандидат исторических наук Е.Л. НАЗАРОВА (редактор-составитель)

Рецензенты:
доктор исторических наук В.В. РОГИНСКИЙ,
доктор исторических наук С.И. РЫЖАКОВА

Россия и Балтия / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М. : Наука, 2000.
Вып. 7 : Памятные даты и историческая память / [отв. ред. А.О. Чубарьян]. – 2015. – 383 с. – ISBN 978-5-02-038060-8 (в пер.).

Выпуск включает статьи и материалы, посвященные памятным историческим датам: 200-летию юбилею Отечественной войны 1812 г., 150-летию восстания в Польше 1863–1864 гг., 95-летию начала массового исхода российской интеллигенции в эмиграцию, 75-летию начала сталинских репрессий. В книгу вошли также доклады и статьи, написанные на основе выступлений, состоявшихся в ходе заседания российско-литовской комиссии историков, посвященного проблемам изучения и формирования исторической памяти от XVII в. до пакта Молотова–Риббентропа и его восприятия в годы распада СССР. Авторами статей являются ученые России, Литвы, Эстонии, Израиля, представляющие академические институты, высшие учебные заведения, крупнейшие музеи и мемориалы. Для историков, политологов, студентов вузов и всех интересующихся историей.

По сети «Академкнига»

ISBN 978-5-02-038060-8

© Институт всеобщей истории РАН, 2015
© Назарова Е.Л., составление, 2015
© Коллектив авторов, 2015
© Российская академия наук и издательство «Наука», продолжающееся издание «Россия и Балтия» (разработка, оформление), 2000 (год основания), 2015
© Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2015

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И УЧАСТНИКАХ ДИСКУССИИ
ЗАСЕДАНИЯ РОССИЙСКО-ЛИТОВСКОЙ КОМИССИИ
ИСТОРИКОВ

АНУШАУСКАС Арвидас, историк, общественный деятель, в 2007 г. доцент Института международных отношений и политических наук, доцент факультета истории Вильнюсского государственного университета, член российско-литовской комиссии историков, с 2012 г. – депутат Литовского Сейма.

БРОВКО Людмила Николаевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

ГАЛЬЦОВ Валерий Иванович, кандидат исторических наук, декан исторического факультета Российского государственного университета им. И. Канта (г. Калининград), член российско-литовской комиссии историков.

ЗИМАРИН Олег Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Европы РАН, директор издательства «Весь Мир».

ИЩЕНКО Виктор Владимирович, кандидат исторических наук, заместитель директора Института всеобщей истории РАН, член российско-литовской комиссии историков.

КАСПАРАВИЧЮС Альгимантас, доктор гуманитарных наук, старший научный сотрудник Института истории Литвы, член российско-литовской комиссии историков.

КУКУШКИНА Ирина Анатольевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, ученый секретарь российско-литовской комиссии историков.

КОВАЛЕВ Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, заместитель декана факультета экологии и сервиса по научной работе, Заведующий кафедрой «Менеджмент туристического бизнеса» Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина. По совместительству сотрудник Института всеобщей истории РАН.

КЯУПА Зигмантас, доктор гуманитарных наук, профессор Университета им. Витаутаса Великого (Каунас), член российско-литовской комиссии историков.

ЛЕБЕДЕВА Наталья Сергеевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

ЛИХТЕР Юлия Абрамовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН.

МИХАЙЛОВА Юлия Леонидовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

НАЗАРОВ Владислав Дмитриевич, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

НАЗАРОВА Евгения Львовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, член российско-литовской комиссии историков.

НИКЖЕНТАЙТИС Альвидас, доктор гуманитарных наук, доцент кафедры истории Литвы исторического факультета Вильнюсского педагогического университета, в 2007 г. – директор Института истории Литвы, сопредседатель российско-литовской комиссии историков.

НОСОВА Галина Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник 1-й категории Государственного Исторического музея (Москва).

ПЛАГГЕНБОРГ Штефан, профессор восточноевропейской истории в Рурском университете (Бохум, Германия), член российско-литовской комиссии историков.

ПРОМЫСЛОВ Николай Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

ПУГАЧАУСКАС Виргилиус, доктор гуманитарных наук, руководитель отдела истории XIX в. Института истории Литвы.

СТАЛЮНАС Дарюс, доктор гуманитарных наук, заместитель директора Института истории Литвы, член российско-литовской комиссии историков.

ТАИРОВА-ЯКОВЛЕВА Татьяна Геннадиевна, доктор исторических наук, профессор исторического факультета Санкт-Петербургского университета, член российско-литовской комиссии историков.

ТАННБЕРГ Тыну-Андрус, доктор истории, академик Эстонской академии наук, профессор Тартуского университета, советник Генерального директора Эстонского национального архива.

ЧУБАРЬЯН Александр Оганович, академик РАН, директор Института всеобщей истории РАН, сопредседатель российско-литовской комиссии историков.

ШЕПЕТИС Нерюс, доктор гуманитарных наук, доцент Вильнюсского государственного университета, член российско-литовской комиссии историков.

ШНЕЕР Арон Ильич, доктор истории, руководитель проекта документации и увековечения имен евреев, погибших в период Холокоста на территории СССР, ответственный за связи с русскоязычными общинами и организациями, сотрудник Национального института Памяти жертв Катастрофы и героев Сопrotивления Яд Вашем (Иерусалим).

ШУБИН Александр Владленович, доктор исторических наук, заведующий Центром истории России, Украины и Белоруссии Института всеобщей истории РАН.

РОССИЙСКИЙ ФАКТОР В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ЛИТОВСКОГО ИНТЕЛЛЕКТИВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

А. Каспаравичюс

(Вильнюс)

Ключевые слова: геополитическое положение Литвы, Литовское государство, литовская политическая элита, литовская политическая и интеллектуальная элита в годы Первой мировой войны, русско-литовские культурные связи, Янтарная декларация, культурный империализм, пророссийская геополитическая ориентация литовских культурных деятелей и политиков.

I

Для Европы (а возможно, и для всего мирового сообщества) XX в. начался зрелищным и многообещающим событием – Всемирной выставкой в Париже в 1900 г. В определенном смысле выставка символизировала геополитическое единство всего земного шара, всеобщий гуманизм, взаимопонимание между народами, странами и государствами. Многообразие материальной и духовной культуры разных народов Европы и мира казалось универсальной ценностью наступающего века, который сквозь цвета Всемирной выставки выглядел как большой магический театр или же карусель, где бок о бок крутились обыкновенные, даже примитивные вещи крестьянского повседневного быта Восточной Европы и шедевры Art Nouveau из Парижа и Вены, Барселоны и Рима, Берлина, Санкт-Петербурга и Нью-Йорка.

Спустя более ста лет после исчезновения с политической карты Европы польско-литовского государства Речи Посполитой (после третьего раздела в январе 1795 г.), выставка 1900 г. в Париже по сути стала своего рода премьерным показом Литвы и «литовского мира» перед мировым сообществом. Именно в Париже Литва вновь появилась как забытое, но самостоятельное культурное явление и европейская нация¹. В литовском павильоне, который подготовили к выставке в основном литовцы из Германии (из Восточной Пруссии, северо-восточная часть которой включала и Малую Литву), США, Швейцарии и Франции, была представлена

¹ *Kriauciūnas Ju.* Lithuania at the Paris World's Fair // *Lituanus. Lithuanian Quarterly Journal of Arts and Sciences.* 1982. Vol. 28. № 4 (winter). P. 5–21.

литовская самобытная культура, книги, газеты, церковное прикладное искусство² и даже очерки культурно-политической мысли³. Для политической эмансипации Литвы – развития литовской политической мысли и возвращения «литовского мира» в европейскую цивилизацию – Всемирная выставка 1900 г. в Париже сыграла большую, может быть даже огромную, роль. Европа «открыла» для себя Литву, а Литва и литовцы в свою очередь вновь почувствовали себя частью европейской цивилизации.

Некоторые исследователи склонны думать, что Всемирная выставка 1900 г. по своей сути была первой настоящей победой «культурной дипломатии», поскольку в ней зародились поистине настоящие очаги культурного взаимопонимания и сотрудничества между представителями разных народов и социальных слоев⁴. Многим образованным рафинированным европейцам-оптимистам тогда казалось, что повседневный мир может быть ярче, добрее и интереснее войны, что XX в. станет веком мира, гуманизма, политических свобод, разума и культурно-экономического прогресса. Однако, к великому сожалению оптимистов, Вечный Мир, столь методически строго и четко описанный еще Иммануилом Кантом, так и не пришел в Старый Свет, а идеологический миф о геополитическом и культурном единстве Европы вскоре рассеялся как весенний туман над Неманом. Едва 50 млн посетителей парижской Всемирной выставки – подданные разных империй и граждане разных республик, насладившись впечатлениями, ус-

² Catalogue des livres lithuanien imprimés de 1864 à 1899 hors de Russie ou les impressions lithuanien sont interdites. P., 1900; Albumas Lietuviškos Paryžiaus Parodos – An album of the Lithuanian exhibit in Paris / Ed. J. Žilinskas. Chicago. 1902.

³ *Kriaučiūnas Ju.* Op. cit. P. 11. В буклете выставки, подготовленном на английском языке, в частности говорилось: „Lithuanian literature and newspapers are published under exceptional circumstances. Nowhere else in the world is there a nation like Lithuania, where each book, each writing published in the native language is a forbidden thing, where everyone reading a book written in Lithuanian, even of the most innocent content, is persecuted by representatives of the Czar, is shut up in prisons, or exiled to Siberia. (...) For this reason, Lithuanian publications and especially newspapers are worthy of widespread public interest and can be one of the things attracting most attention at the Paris Fair in 1900. For us Lithuanians, the display of our publications in Paris, to which will come people from all over the world, will have such an importance that it will clearly demonstrate how barbaric are our oppressors, how the Czar's representatives cannot ignore our existence as a sovereign nation, cannot annihilate our language, our faith, our literature, and so on. (...) This sort of demonstration of our vitality under Czarist rule to the whole world can be the quickest way for us to regain freedom of the press, if we only strive to use that opportunity, undertaking great efforts to use the most influential European newspapers” (An album of the Lithuanian exhibit in Paris .P. 4).

⁴ Catalogue des livres lithuanien; Albumas Lietuviškos Paryžiaus Parodos.

пели разъехаться по своим национальным домам, как наступил 1914 год. Год, который многие европейские и американские историки позднее станут отождествлять с настоящим началом бурного, динамичного и вместе с тем жестокого XX столетия⁵.

II

1914 г. стал переломным не только в истории Европы, Российской империи, но и в не меньшей степени также в истории Литвы, литовского народа. Весть о начавшейся Великой войне* прямо-таки шокировала литовскую национальную интеллигенцию и социальный истеблишмент. «Наступила беда, в которую до последнего часа не могли заставить себя поверить», – горько писала газета литовских правых либералов (таутининков) «Viltis» (Надежда), призывая соотечественников добросовестно исполнять свой долг перед государством. В газете высказывалось также предположение, что из-за своего «ключевого» геополитического положения в регионе и в Российской империи Литве, литовскому народу, скорее всего, придется «существенно перетерпеть» все недуги и страдания войны⁶.

Но экономическая и политическая глобализация начала XX в., которая и послужила главной причиной Первой мировой войны⁷, принесла Литве не только беды, утраты и страдания⁸, но и определенные политические надежды, побудила к определенным геополитическим расчетам. Молодому и энергично настроенному литовскому истеблишменту, который совсем недавно, лишь несколько лет

⁵ *Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. N.Y., 1987; *Gilbert M.* A History of the Twentieth Century. Vol. I: 1900–1933. The Definitive Chronicle of Our Age. L., 1997; *Ekstains M.* Rites of Spring: The Great War and the Birth of the Modern Age. Boston; New York, 2000; *Berend I.T.* Decades of Crisis: Central and Eastern Europe before World War II. Berkeley: Los Angeles; London, 2001.; *Bobbitt Ph.* The Shield of Achilles: War, Peace and the Course of History. L., 2002.

* Именно так до начала Второй мировой войны в прессе и в историографии называли Первую мировую войну.

⁶ Karas... [redakcijos straipsnis] // Viltis. 1914. № 191. P. 1.

⁷ *Taylor A.J.P.* From Sarajevo to Potsdam. L., 1966; *Ferro M.* The Great War: 1914–1918. L., 1973; *Keegan J.* The First World War. N.Y., 2000; *Hart P.* The Great War: 1914–1918. L., 2013.; *Hastings M.* Catastrophe: Europe Goes to War 1914. L., 2013.; *Emmerson Ch.* 1913: The World before the Great War. L., 2013.

⁸ *Gimžauskas E.* Vokiečių karinės okupacijos poveikis Lietuvos visuomenei ir besiformuojančiam valstybingumui 1915–1919 // Karo archyvas. 2010. Vol. XXV. P. 98–123; *Liulevičius V.G.* War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity and German Occupation in World War I. Cambridge, 2000; *Urbšienė M.* Vokiečių okupacijos ūkis Lietuvoje. Kaunas, 1939.

тому назад, в 1904 г.* , отвоевал у царского правительства право на национальный язык (традиционную письменность латиницей) для своего народа⁹, было ясно, что начавшаяся война взбудоражила всю Европу как в социальном, так и в национальном смысле, что она коренным образом ломает Старый Свет и политический порядок на старом континенте и что политическая карта послевоенной Европы уже не будет такой, какой она была до войны¹⁰.

В маленьких кафе и салонах Вильнюса, в узких кругах единомышленников литовская элита рассуждала и спорила о том, кто в этой войне станет победителем: Россия или Германия? Но тут же всех охватывал пессимизм, ибо ни Санкт-Петербург, ни Берлин по сути еще не были готовы к восстановлению государственности Литвы. И только по своей воле Литве не достигнуть полной, настоящей независимости. Поэтому во всех своих смелых и далеко идущих надеждах они исходили из того, что лучше всего будет, если войну проиграют обе континентальные империи. В этом случае литовцы получат реальный исторический шанс на восстановление независимости¹¹. Но летом и осенью 1914 г. надежды на одновременный развал двух великих империй Старого Света казались совершенно фантастическими. Реальная ситуация, здравые политические расчеты и уже полученная кое-какая политическая практика внушали литовцам мысль, что по дороге к независимости действовать надо предельно осторожно, не спеша и сотрудничая со всеми потенциальными союзниками или же только попутчиками, как с Востока, так и с Запада.

Показательно, что в середине августа 1914 г. член Государственной думы (в недалеком будущем – первый министр финансов независимой Литвы) доктор Мартинас Ичас из Санкт-Петербурга писал своему брату Йонасу, инспектору Семипалатинской гимназии: «Настроение у нас хорошее. Все ждут побед в войне и понимают, что после этого без перемен и реформ не обойтись. Но сегодня об этом писать еще не буду...»¹². Таким образом, не вникая в разного рода подробности и детали, можно констатировать, что летом 1914 г. перед литовским социально-культурным истеблишментом вопрос состоял лишь в том, сумеет ли Литва (литовский народ и его молодая элита) воспользоваться своим историческим шансом и какую политическую тактику и геополитическую

* Запрет литовской печати на латинице в Литве действовал с 5 июня 1864 г. по 7 мая 1904 г.

⁹ *Merkys V. Knygnešių laikai 1864–1904. Vilnius, 1994.*

¹⁰ *Gabrys J. Tautiečiai, ruoškime visuotiną lietuvių seimą Amerikoje // Draugas. 1914. № 13. P. 1; Smetona A. Karo ženkle gyvenant // Vairas. 1914. № 14. P. 1.*

¹¹ *Yčas M. Atsiminimai. Nepriklausomybės keliais. Kaunas, 1936. T. 2. P. 105.*

¹² *Lopata R. Lietuvos valstybingumo raida 1914–1918 metais: Lietuvių atgimimo istorijos studijos. Vilnius, 1996. P. 32.*

ориентацию лучше всего выбрать, чтобы максимально эффективно достичь своих главных политических целей.

Иначе говоря, перед литовской интеллигенцией, из которой вскоре образуется настоящий литовский истеблишмент, встала задача не только четко и ясно сформулировать свои реальные политические цели, определить конкретные задачи для их достижения, но и просчитать на будущее, как будет проходить послевоенная перестройка международных отношений и каким, возможно, будет геополитический расклад сил в континентальной Европе, особенно в ее центральной и северо-восточной части. Говоря словами Антанаса Сметоны, тогда еще молодого националистически настроенного литовского правого либерала и будущего первого президента Литвы, литовцев волновали вопросы: «Что будет после войны?» и «Как будет выглядеть политическая карта Европы?»¹³ Сразу можно отметить, что для политического гегемона Литвы – литовского истеблишмента это была поистине тяжелая задача, тем более что к тому времени старая аристократическая элита Литвы по большому счету уже отождествляла себя с Польшей и поляками, а национально настроенная, молодая, еще только формировалась и исторического опыта практически не имела.

Образно говоря, в годы Великой войны литовцы, преследовавшие идею восстановления литовской государственности, в некотором роде оказались в положении доктора Фауста, так как выбирать приходилось между моральными сомнениями и политическим прагматизмом, между национальными интересами, историческими уроками и геополитическими противоречиями, между здравым смыслом и дерзкими человеческими фантазиями, между былью и мечтой. Но как определить, где эта хрупкая грань между эмоциями и интересами и где кончается одно и начинается другое?

Подавляющее большинство национальной литовской элиты в конце 1914 г. полагало, что с Польшей Литву связывают многочисленные исторические узы, взаимные симпатии и эмоции, общая европейско-католическая цивилизация и многолетнее противостояние натиску Москвы. Однако деятелям будущего литовского государства было очевидно¹⁴ и то, что безоглядная геополитическая ставка только на Польшу ставит Литву в положение «младшего брата», т.е. стимулирует и продвигает процессы полонизации в Литве, грозит культурно-национальным слиянием с польским обществом и даже полной потерей литовского национального самосознания и идентитета¹⁵. Геополитическая ставка

¹³ *Smetona A. Karo ženkle gyvenant. P. 1.*

¹⁴ *Eidintas A. Antanas Smetona ir jo aplinka. Vilnius, 2012. P. 35.*

¹⁵ *Smetona A. Lietuvos žymės // Viltis. 1912. № 136. P. 1; Idem. Kur Lietuvos centras? // Viltis. 1910. № 139. P. 1–2. Yčas M. Op.cit. P. 235.*

на кайзеровскую Германию тоже тогда казалась опасной игрой, особенно памятуя о весьма горьком опыте существования в рамках Германской империи Малой Литвы (северо-восточная часть Восточной Пруссии), где ассимиляция и германизация¹⁶ литовского общества с середины XIX в. продвигались семимильными шагами. Литовское общество начала XX в., в основном крестьянского происхождения, в подавляющем большинстве консервативное, проживавшее в деревнях и на хуторах, не было готово ни экономически, ни культурно и тем более в цивилизационном плане противостоять германскому «Drang nach Osten».

Оставалась Россия – «вечный противник, враг и соперник», с которым много веков литовцы бок о бок жили, которого прекрасно знали и понимали, и, главное, не боялись его культурно-цивилизационного влияния и империализма. Даже пережившие весь XIX в. под игом двуглавого орла многие литовцы все-таки считали, что российский империализм в первую очередь опасен для литовской политической мысли и государственности, но не для литовской культуры или национального идентитета, который прежде всего опирается на литовский язык, католическую веру и верность Римскому папе, а также на общеевропейский повседневный быт и духовные ценности¹⁷.

С одной стороны, для литовской государственности и политической эмансипации литовского народа Российская империя была настоящим историческим злом. Она не только в конце XVIII столетия полностью аннексировала Литву, но и за долгий XIX в. усердно старалась стереть все материальные и духовные исторические признаки литовской государственности: в 1801 г. в самом сердце Вильнюса был окончательно разрушен дворец правителей Литвы эпохи Ренессанса, построенный в XVI в., в 1803 г. с политической карты было стерто даже само название «Литва», в мае 1832 г. после 253 лет существования был закрыт Вильнюсский университет, в 1840 г. упразднен кодекс национального права Третий Литовский Статут. В том же XIX в. царизм жестоко подавил подряд два литовско-польских восстания за национальное освобождение; были предприняты жесткие меры, чтобы лишить литовский народ своей письменности, религии, а заодно и национального самосознания¹⁸.

¹⁶ *Matulevičius A.* Mažosios Lietuvos germanizacija // *Mažosios Lietuvos enciklopedija*. Vilnius, 2000. I tomas. P. 462–463.

¹⁷ *Viscont A.* La Lituanie religieuse. Paris; Genève, 1918.

¹⁸ *Vėbra R.* Lietuviškos spaudos draudimas 1864–1904 m.: istorijos bruožai. Vilnius, 1996; *Idem.* Lietuvių klausimas Rusijos imperijoje XIX a. – XXa. pradžioje: faksimilinis valdininkų ataskaitų ir dokumentų rinkinys. Vilnius, 2001.

Однако попытки царской власти лишить литовцев национального самосознания, языка, духовности и традиционного образа жизни, поощрение православия, противопоставление его католицизму успеха в Литве не имели. Во второй половине XIX в. планы Петербургского двора унифицировать империю административно-политическими методами¹⁹ и превратить Литву только в губернии Северо-Западного края провалились. Исторические и государственные традиции, политическая воля, культурная самобытность и католическая церковь в Литве оказались прочнее планов империи. Иначе говоря, к началу XX в. бюрократические механизмы и административные ресурсы нажима Российской империи были уже довольно хорошо знакомы литовцам и не казались им очень страшными и эффективными. В сравнении с Вильгельмовской Германией Россия Романовых не имела такого обширного, четко отлаженного и дееспособного административно-бюрократического потенциала давления на самосознание инославянцев

Литовцы питали осторожные надежды на геополитическую ориентацию на Россию в то бурное время и под воздействием других обстоятельств. Российская империя не была заинтересована в продвижении «польской культуры» и «польского духа» на восток, в том числе и на Литву. Это отчасти совпадало и с литовскими национальными интересами. Вместе с тем Петербург состоял в военно-политическом союзе с двумя великими демократиями Европы: Французской Республикой и Великобританией. Литовцы считали, что либерально и демократически настроенным столицам Парижу и Лондону с моральной точки зрения «неудобно» тесно сотрудничать с самодержавным царским режимом. Поэтому западные союзники постараются усилить свое политическое влияние на Россию до такой степени, чтобы этот политически отсталый режим стал более демократичным и либеральным как в социальном, так и в национальном плане, в том числе и по отношению к покоренным нациям. Таким образом, создание и успешное существование Антанты позволяло литовской культурной элите и формирующемуся истеблишменту думать, что политическое влияние Парижа и Лондона на Россию даст определенную политическую выгоду и Литве. Тем более что почвой для таких надежд и суждений в какой-то мере могли быть и нюансы в политике самой Российской империи. Формально Петербург поддерживал национальную идеологию народов в Европе (болгар, сербов, хорватов), поощрял национальное многообразие и многополярность Европы

¹⁹ *Aleksandravičius E., Kulakauskas A.* Carų valdžioje: Lietuva XIX amžiuje. Vilnius, 1996.

и даже определенную перестройку политической карты Европы по национальным принципам, но и к концу Великой войны царизм не был готов не только к независимости, а хотя бы к автономии в составе империи Литвы и других национальных окраин²⁰. О том, что в начавшейся войне царское правительство пытается использовать национальный вопрос ради сплочения империи и победы над врагом, ярко свидетельствовал манифест главнокомандующего российской армии князя Николая Николаевича от 14 августа 1914 г. о Польше. Манифест давал полякам, а заодно и западным союзникам²¹ надежду на то, что после войны Польша может быть объединена в одно политическое целое и даже может обрести автономию в рамках царской империи. Это обстоятельство тоже было учтено литовской элитой²².

Поэтому совсем не удивительно, что уже упомянутый выше Мартинас Ичас осенью 1914 г. известил лидеров литовского национального движения в США, что в данной ситуации наименьший вред литовским национальным интересам, вполне вероятно, может принести Россия. Поэтому литовская нация и элита пока обязаны сотрудничать и геополитически ориентироваться именно на нее²³.

III

Коренным образом все эти (и некоторые другие) расчеты и суждения привели к тому, что уже в самом начале войны литовский истеблишмент вполне открыто и, надо полагать, искренне заявил о предпочтительности геополитической ориентации именно на Российскую империю. Спустя три дня после появления манифеста о Польше, собравшиеся 17 августа 1914 г. в Вильнюсе члены разных литовских обществ и представители местной литовской печати приняли и огласили так называемую *Янтарную декларацию*, которая в скором времени была вручена лично главнокомандующему российских вооруженных сил великому князю Николаю Николаевичу, а также представлена в Государственной думе депутатом М. Ичасом. В документе, который был подготовлен при участии М. Ичаса и который подписали три выдающихся литовских деятеля: доктор Йонас Басанавичюс, в недалеком будущем подписавший Декларацию независимости Литвы 16 февраля

²⁰ Сахаров А.Н. Россия: народ, правители, цивилизация. М., 2004. С. 370.

²¹ Senn A.E. The Entente and the Polish Question 1914–1916 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1977. Vol. 25. S. 21–22.

²² Smetona A. Kas daryti // *Vairas*. 1914. № 15. P. 1–2; *Idem*. Lietuviai svetimuju šalių akivaizdoje // *Vairas*. 1915. № 9. P. 1.

²³ *Yčas M.* Op. cit. P. 235–236.

1918 г., барон Стасис Шилингас и дворянин Донатас Малинаускас, проявилась политическая поддержка литовского общества и истеблишмента Российской империи в начавшейся войне. Янтарная декларация имела ярко выраженную историческую подоплеку, была нацелена на чувства и эмоции. Напоминая об успешном военном сотрудничестве литовцев с русскими (с тремя смоленскими полками)* в битве против Тевтонского ордена в 1410 г. при Грюнвальде (Жальгирисе), авторы Янтарной декларации высказывали надежду на то, что после победы Российской империи над кайзеровской Германией Великая Литва после долгих столетий «разлуки» сможет, наконец, воссоединиться с так называемой Малой Литвой (северо-восточной частью Восточной Пруссии) и получить автономию под эгидой Российского двуглавого орла²⁴. То есть сможет объединиться с нынешним Клайпедским краем и северо-восточной частью Калининградской области.

Вместе с тем в документе достаточно четко и образно была подчеркнута культурная разница между литовцами и русскими и приведены аргументы о необходимости этнополитической эмансипации литовской нации: а) литовцы не являются славянами, но, «как твердый, светлый янтарь», в силу исторических коллизий и перипетий сегодня плавают в широком «море славян»; б) со времен великого князя и короля Литвы** Миндаугаса (середина XIII в.) они в течение многих веков сохраняли свои исторические корни и государственные традиции; в) литовцы не потеряли культурной самобытности, католической веры и политической воли – стремления к свободе²⁵.

По своей сути Янтарная декларация отражала не только определенный расклад политических сил, политические амбиции и геополитическую ориентацию литовского истеблишмента, но вместе с тем давала и своего рода шанс самой Российской империи. Шанс услышать угнетаемый, но несломленный народ, прощупать пульс грядущей истории и, модернизировав существующий политический строй, повернуть империю на более либеральный путь, коренным образом изменив судьбу всей страны. Иначе говоря, декларация давала своеобразный геополитический аванс доверия литовцев Российской короне.

Правда, в настоящее время часть историков Литвы склонны думать, что Янтарная декларация 1914 г. была лишь конъюнктур-

* В то время Смоленск подчинялся великому князю Литвы Витаутасу.

²⁴ *Lopata R.* Op.cit. P. 30.

** Великий князь Миндаугас по воле папы Римского Иннокентия IV был коронован 29 июня 1253 г.

²⁵ *Lopata R.* Op. cit. P. 30–31.

ной рефлексией литовского истеблишмента на тогдашний подъем ультрапатриотизма как в самой России, так и за ее пределами – в других воюющих странах. Но так ли это – еще вопрос? На мой взгляд, геополитическая траектория, выстроенная литовским истеблишментом в Янтарной декларации, носила более продуманный, более существенный и, главное, стратегический характер. Несмотря на всю непривлекательность и отсталость российского имперского политического строя, на большой отрицательный груз исторической памяти, негативных эмоций и повседневного жизненного опыта, весьма образованному и политически грамотному литовскому истеблишменту было ясно, что в силу людского ресурса, огромной территории, экономического (в том числе сырьевого) и культурно-цивилизационного потенциала России²⁶, ее нельзя сбрасывать с геополитических весов эвентуальной литовской государственности. Тем более что по дороге к восстановлению литовской государственности российский геополитический фактор мог стать важным или даже решающим и при выстраивании государственных отношений с двумя другими большими и весьма не однозначно настроенными по отношению к Литве соседями: Германией и Польшей, упрямо стремившейся к восстановлению независимости в границах первой половины XVIII в.

IV

Важно отметить, что примерно такой геополитической ориентации и определенной лояльности к России литовский истеблишмент придерживался долгие годы, хотя и с некоторыми корректировками, продиктованными временем, политическими и жизненными реалиями. Речь идет о всем межвоенном периоде вплоть до осени 1939 г., а в некоторых аспектах и вплоть до лета 1940 г. – до советской оккупации Литвы и ее аннексии²⁷. Несомненно, что проблема Вильнюса, возникшая в 1919–1920 гг. в крайне иррациональной форме и в скором времени переросшая в хроническую фазу, да и в целом литовско-польские отношения тоже способствовали пророссийскому геополитическому настрою литовского истеблишмента²⁸. Но интересно и характерно то, что

²⁶ Šalkauskis S. Sur les Confins de deux Mondes. Essai synthétique sur le problème de la Civilisation Nationale en Lituanie (publié par les soins du Bureau de Presse Lituanien «Lietuva», Berne). Genève, 1919. P. 78–86, 212.

²⁷ Kasparavičius A. Šalkauskio kultūrų sintezės koncepcijos raida ir metamorfозės tarpukario Lietuvos užsienio politikoje // Naujasis židinys – Aidai. Vilnius, 1996. № 5. P. 300–310.

²⁸ Kasparavičius A. Don Kichotas prieš Prometėja. Tarpukario lietuvių ir lenkų iracionalioji diplomatija // Darbai ir dienos. Kaunas, 2002. T. 30. P. 49–71.

важность российского геополитического веса и фактора усвоили тогда не только начинающие литовские политики и общественные деятели, но и культурная элита Литвы, и даже в определенном смысле литовская католическая церковь.

Например, осенью 1916 г., когда Литва уже была полностью оккупирована немцами, епископ Жемайтии, настоятель Каунасского кафедрального собора Пранцишкус Карявичюс, на требование кайзеровского генерала фон Эйзенхарта Роте (Eisenhart von Rothe), чтобы все католические священники были полностью лояльны кайзеру Вильгельму II, поскольку Литва уже навеки соединена с Германией, гордо ответил: «Ваше превосходительство генерал! Литва и в самом деле оккупирована немцами, но еще не объединена с Германией, и мы себя считаем подданными России, (...) и вы не можете от нас требовать того, что противоречит обязанностям подданных»²⁹. Несколько позже принципиальную позицию литовского епископа не смог сломить и сам глава немецкой гражданской администрации в Литве князь Йозеф Изенбург-Бирштейн (Josef Isenburg-Birstein), который от литовского духовенства и епископа потребовал в письменной форме присяги верности императору Германии. Несмотря на это категорическое требование, епископ П. Карявичюс, как он сам позже писал в своих воспоминаниях, ответил германскому чиновнику: «Ваша Светлость, Вы свободно можете отправить меня в ссылку или расстрелять, но Вы не можете меня заставить действовать против моей совести и воли»³⁰.

Благоприятная для России геополитическая настроенность некоторой части высокопоставленных и имевших влияние в обществе литовских католических священников оставалась даже после установления там советской власти. Так, например, в начале 30-х годов каноник, ректор костела имени Витаутаса Великого в Каунасе, выдающийся общественный деятель и талантливый литовский писатель Юозас Тумас-Вайжгантас в серии статей в журнале «Науџи Ромува» («Naujoji Romuva») пришел к выводу, что три балтийских государства – Литва, Латвия и Эстония свое политическое существование могут закрепить, лишь усвоив исторические уроки, объединив свои усилия в одно целое, отказавшись от негативного, недалновидного геополитического противостояния России и усвоив огромный культурный потенциал восточного соседа. Он отметил, что Российская империя прежде всего была заинтересована в «территориях» Балтийских стран,

²⁹ J.E. Arkivyskupas Pranciškus Karevičius (70 metų sukakčiai pažymėti) // Naujoji Romuva. 1931. № 45. P. 1068.

³⁰ Ibid.

что культурное влияние и культурный империализм для нее были «делом второстепенным», а коммунистическая Россия в первую очередь погружена в социальную утопию. На этом основании Тумас-Вайжгантас заключил, что культурное сотрудничество с Россией Литвы, Латвии, Эстонии и частично Финляндии в силу геополитического соседства и огромного исторического опыта закономерно и естественно. «Культурного взаимодействия между Балтийскими странами и Россией нельзя остановить. Так это было в прошлом, так будет и в будущем. Потому что культура – это больше, чем территория, которую можно огородить колючей проволокой. (...) Говорю лишь о русском языке, приятном, красивом, языке высокой культуры с богатой литературой и знаниями. Сама жизнь заставляет всю Прибалтику изучать русский язык»³¹ – красноречиво, но четко отметил литовский католический каноник, который по своим политическим взглядам был близок к правым либералам и партии таутининков.

Писатель был даже убежден, что, живя в геополитическом пространстве между Россией и Германией и имея в виду литературный цивилизационный потенциал последних стран, изучение русского и немецкого языков для литовцев, латышей, эстонцев и отчасти финнов должно быть естественным и натуральным. А односторонняя ориентация только на западный мир и надежда сохранить и защитить свою независимую государственность лишь с помощью военно-политической силы западных держав были бы ошибкой, так как Запад, исповедующий материалистическую философию, поистине озабочен только своими геополитическими интересами, а страны Балтии его интересуют лишь как определенный геополитический «заслон» против русского большевизма³².

Кроме того, литовский писатель и католический священник выделил общие черты в психологии и характере обществ Балтийских стран и России. «Мы, жители Прибалтики, своим характером и образом жизни являемся более близкими к славянам, нежели к германцам или, тем более, к англосаксам. По сути народы Балтии есть двоюродные братья славян»³³.

Еще более многосторонне и конкретно литовский геополитический код первой половины XX в. проанализировал и сформировал своего рода канонические выводы самый знаменитый литовский философ межвоенного периода, поклонник Владимира Соловьева, друг и соратник бельгийского философа, профессора

³¹ Tumas J. Pabaltijui privalomos vokiečių ir rusų kalbos // Naujoji Romuva. Kaunas, 1931. № 37. P. 874–875.

³² Ibid. P. 873–874.

³³ Ibid. P. 875.

Фрайбургского университета Марка де Мунка (Mark de Munck), профессор Стасис Шалкаускис. В 1919 г. в Женеве тогда еще молодой мыслитель, выпускник Фрайбургского университета С. Шалкаускис опубликовал на французском языке свою книгу с довольно загадочным названием «На грани двух миров. Синтез проблемы национальной цивилизации в Литве»³⁴. Опираясь на большой исторический опыт Великого княжества Литовского, католический философ сделал далеко идущий вывод о том, что в силу разных этнокультурных влияний Литва (и литовская цивилизация) не принадлежит ни к Востоку, ни к Западу, а по своей сути является *соединяющим звеном* или же *культурным мостом* между католическим либеральным прозрачным и всегда активно настроенным Западом и автократическим загадочным и чаще всего пассивным Востоком³⁵. Следуя мыслям и логике профессора С. Шалкаускиса, великая миссия литовцев и всего национального Литовского государства состоит в реализации геополитического равновесия и культурного синтеза Запада с Востоком. Иначе говоря, именно эта роль моста (или цепи), соединяющего две мировые цивилизации, и должна обеспечить историческое долголетие литовской государственности в расколоте разными противоречиями мире³⁶.

Стоит добавить, что свою теорию изначально культурного синтеза литовской цивилизации С. Шалкаускис активно разрабатывал, совершенствовал и пропагандировал вплоть до оккупации и советизации Литовской Республики. Последнюю версию своей теории философ опубликовал уже перед самым началом Второй мировой войны, в преддверии Мюнхенской конференции – в мае 1938 г.³⁷ В этой работе философ изложил свою теорию еще более подробно, конкретно, обоснованно, введя дополнительные аргументы. После тщательных исследований сложного и противоречивого геополитического опыта Бельгии и Швейцарии философ пришел к выводу, что этим примерам должна следовать и Литва³⁸, что национальное Литовское государство на международной арене может успешно существовать, лишь воплотив в жизнь культурно-геополитический синтез Запада и Востока. То есть существовать, соединив в своей повседневной жизни, внешней и внутренней политике два «вечных антагонизма»: активно настроенный Запад

³⁴ Šalkauskis S. Sur les Confins de deux Mondes.

³⁵ Ibid. P. 109–111.

³⁶ Ibid. P. 592–594.

³⁷ Šalkauskis S. Geopolitinė Lietuvos padėtis ir lietuvių kultūros problema // Naujasis židinys. Kaunas, 1938. № 5/6.

³⁸ Ibid. P. 588–610.

и пассивный Восток, чтобы таким образом обеспечить северовосточному региону Балтийского моря хрупкое геополитическое равновесие между интересами-ценностями, между Германией и Россией, Польшей и Россией, Германией и Польшей, между славянскими и англосаксонскими мирами и цивилизациями. Но, чтобы эта геополитическая модель могла быть осуществлена, надо было иметь общую границу с Россией (СССР), т.е. «отодвинуть Польшу» и противопоставить российский фактор интенсивному геополитическому влиянию из Польши и Германии.

Важно отметить, что основные идеи С. Шалкаускаса – особенно об общей границе с Россией – поддерживали и в политической практике не раз пробовали реализовать многие литовские политики межвоенного периода, как правые, так и левые: либералы и социалисты, социал-демократы, националисты и христианские демократы.

Среди сторонников такого пророссийски настроенного геополитического вектора Литвы были многолетний президент, правый либерал А. Сметона и его идейный сторонник премьер-министр и министр иностранных дел профессор Аугустинас Вольдемарас, ученик последнего – министр иностранных дел Довас Заунюс, президент Казис Гринюс, социалист народник Миколас Слежавичюс, министры иностранных дел христианские демократы ксендзы Юозас Пурицкис и Владас Юргутис, премьер-министр и министр иностранных дел беспартийный либерал Эрнестас Галванаускас³⁹, лидер литовской социал-демократии Стяпонас Кайрис, с 1923 по 1926 г. и профессор А. Валдемарас⁴⁰. Их позицию разделяли также видные дипломаты Юргис Балтрушайтис, Пятрас Климас, Бронюс Казис Балутис, Казис Шкирпа, Юргис Савицкис, Повилас Жадейкис, Ладас Наткявичус⁴¹ и некоторые другие.

Особенно активно, твердо и последовательно придерживался этого геополитического вектора посол Литвы в Москве в 1920–1939 гг. поэт Юргис Балтрушайтис. Он очень тесно был связан с российской культурой и культурной жизнью начала XX в., сам активно в ней участвовал: принадлежал к новаторскому литературному движению Серебряного века, был одним из его пионеров и

³⁹ Lietuvos užsienio reikalų ministrai 1918–1940. Kaunas 1999.

⁴⁰ Kasparavičius A. Don Kichotas prieš Prometėtą: Tarpukario lietuvių ir lenkų iracionalioji diplomatija // Darbai ir dienos. Kaunas, 2002. T. 30. P. 49–72.

⁴¹ Laurinavičius Č. Politika ir diplomatija. Kaunas, 1997; Gaigalaitė A., Skirius Ju., Kasparavičius A. Lietuvos užsienio reikalų ministrai 1918–1940. Kaunas, 1999; Žalys V. Lietuvos diplomatijos istorija 1925–1940. Vilnius, 2007; Butkus Z. Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940: Lietuvos užsienio politikos dokumentai. Vilnius, 2008.

вдохновителей⁴². С одной стороны, Балтрушайтис был свято убежден и почти с католическим упрямством верил, что российский геополитический фактор для литовского государства очень важен и практически незаменим⁴³. С другой стороны, угроз, связанных с чрезмерным российским геополитическим влиянием в Литве, он не видел, так как считал, что католическая Литва в культурном смысле чужда России. По словам Ю. Балтрушайтиса, «Литва может принадлежать России не больше, нежели гнезду ласточки принадлежит крыша, к которой оно приклеено»⁴⁴. И Россия, понимая эту культурную пропасть между двумя странами, не заинтересована в непосредственном подчинении Литвы своей власти. Литовский поэт и дипломат думал, что Россия в Прибалтике в первую очередь заинтересована в Эстонии и Латвии – в странах, которые обладают большими и стратегически важными для России портами. Они имеют более динамичные протестантские общества, которые легче поддаются социально-культурной ассимиляции и являются более подходящим материалом для культурного империализма⁴⁵. Сам Ю. Балтрушайтис уже не замечал, что тоже является литовским деятелем, литовско-русским поэтом, выросшим из глубин того же российского культурного империализма начала XX в.

V

Пытаясь понять и объяснить причины именно такого геополитического настроения Литвы, литовского истеблишмента в первой половине прошлого века, исследователи должны обратить внимание еще на несколько существенных факторов. В начале XX в. накануне Великой войны Литва, как и Российская империя, переживала экономический, политический и идеологический подъем. Созыв Государственной думы и оформление конституционной монархии в России, социально-экономические реформы П.А. Столыпина, глубина философских мыслей Николая Бердяева и его «русская идея»⁴⁶, наконец, возвращение литовцам латинского

⁴² Daujotytė Viktorija: Su Jurgiu Baltrušaičiu. Vilnius, 1994.

⁴³ Kasparavičius A. Shared Destiny: The Lithuanian State and Diplomacy between the Two World Wars // Lithuanian Foreign Policy Review. Vilnius, 2004. Vol. 1/2. P. 48–70.

⁴⁴ Тайное сообщение литовского посла в Москве Ю. Балтрушайтиса от 25.04.1925 г. министру иностранных дел Литвы Вальдемарасу Чарнецкису // ЦГАЛ. Ф. 383. Оп. 7. Д. 560. Л. 49.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Интересная интерпретация философии Н. Бердяева: Poltoratzky N.P. Nikolay Berdyayev's Interpretation of Russia's Historical Mission // The Slavonic and East European Review. L., 1967, January. P. 193–206.

алфавита и традиционной письменности стимулировали социально-экономическую, культурную и политическую жизнь Литвы. С 1905 по 1914 г. в крае были учреждены разные культурные и научные общества, стали создаваться первые национальные политические партии (в 1896 г. – социал-демократы, в 1902 г. – партия демократов, в 1906 г. – христианские демократы), формировалась современная национальная политическая культура. Литовцы активно участвовали в выборах во все государственные думы. Делегаты от Литвы энергично работали во всех Думах и, поднимая разного рода социально-экономические вопросы, заботились о просвещении края, о его экономическом прогрессе и даже боролись за культурную автономию⁴⁷. Особенно эффективно в Думе работали Мартинас Ичас, Владас Сташинкас, Лауринас Лопас, Юозас Кубилюс, Винцентас Янулайтис, Пятрас Виткаускас, Юозас Саболис, Юозас Гирнюс, Антанас Повилюс, Пятрас Леонас, Андриус Булота, Миколас Янушкявичюс, Владас Пожела, Пранас Гудавичюс, Повилас Кумелис и некоторые другие⁴⁸. В результате этой работы литовцы и Литва в целом постепенно стали больше участвовать в социально-политической жизни России, чувствовать себя частью империи. Вместе с тем в литовском обществе стала проявляться лояльность российской короне или даже некий осторожный имперский патриотизм.

Весьма отчетливо эти новые тенденции литовского менталитета стали видны уже в начале Великой войны. Например, уже в первые дни войны – в августе 1914 г., посоветовавшись с отцом, на службу в царскую армию поступил добровольцем восемнадцатилетний житель городка Куршеная Стасис Раштикис – будущий генерал и главнокомандующий Литовской армии (в 1934–1940 гг.)⁴⁹. Он быстро сделал военную карьеру: закончил военное училище в городке Зарасай, стал унтер-офицером, дослужился до чина капитана и находился в русской армии вплоть до большевистского переворота. И таких добровольцев было не один и не два. Историко-статистических исследований по этой тематике пока нет, хотя некоторые источники позволяют думать, что подобных литовских волонтеров в 1914–1915 гг. могло быть несколько тысяч.

По собственному решению в Оренбургское военное училище еще накануне войны поступил и Повилас Плехавичюс – тоже

⁴⁷ Gaigalaitė A. Lietuvos atstovai Rusijos valstybės dūmose 1906–1917 metais. Vilnius. 2006.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Raštikis S. Kovose dėl Lietuvos: Karo atsiminimai. I dalis. California: Litanus, 1956. P. 70.

будущий генерал Литовской армии. В боях за империю на германском и турецком фронтах П. Плехавичюс был несколько раз ранен и в Литву возвратился только в августе 1918 г.⁵⁰ В 1916 г. посчитал «за честь» служить в царской армии и студент Рижского Политехнического института Витаутас Ландсбергис-Жямкалнис⁵¹ – отец будущего лидера литовского Саюдиса Витаутаса Ландсбергиса. Он стал юнкером, затем царским офицером и верно хранил присягу царю Николаю II, служил до развала империи⁵². Искренне исполнять свой долг перед государством в первые же дни и недели Великой войны призывала свою аудиторию и газета литовских националистов «Вилтис» – устами своего редактора А. Сметоны⁵³.

В первом томе своих воспоминаний «Kovose dėl Lietuvos» («В боях за Литву»), написанных уже после Второй мировой войны, после советской оккупации и аннексии Литвы, находившийся в эмиграции в США (в Калифорнии) С. Раштикис так пояснил свое решение добровольцем пойти в имперскую армию: «Начитался разных исторических книг, и в моей юной голове создался романтический образ войны. Его еще подкрепила военная пропаганда русских. (...) Юноши моего возраста еще не призывались в армию, но было можно ожидать, что вскоре это время придет. (...) Несколько раз посоветовался с отцом, и он согласился. Поехал в Зарасай, подал прошение военному начальнику волости и был зачислен добровольцем с образовательным цензом. (...) Дисциплина была строгая. Еда хорошая. Хлеб даже не съедали. У казарменных ворот собирались женщины, у которых хлеб обменивали на сахар, ягоды, яйца, молоко, сыр»⁵⁴.

Более политически прохладно, но эмоционально романтично и с определенной иронией свое отношение к начавшейся войне, а заодно и своего рода обобщенное отношение молодого образованного литовца к Российской империи представил в своих мемуарах, написанных после советского ГУЛАГ'а, Пятрас Климас. Тогда еще 23-летний студент-юрист Московского университета, а в недалеком будущем один из тех, кто подписал Декларацию независимости Литвы 16 февраля 1918 г., и крупный литовский дипломат межвоенной эпохи писал: «Начавшуюся войну мы почувствовали (...), когда по дорогам в сторону Германии стала двигаться армия. В повозках были видны и длинноволосые

⁵⁰ Generolas Povilas Plechavičius. Brooklyn, 1978. P. 10–11.

⁵¹ Landsbergis-Žemkalnis V. Iš atminties ekrano. Vilnius, 2009. P. 122.

⁵² Ibid. P. 123–130.

⁵³ Smetona A. Karo ženkle gyvenant // Vairas. 1914. №. 14. P. 1.

⁵⁴ Raštikis S. Op. cit. P. 70–71.

«бабочки», которые с парфюмированными* офицерами будто летели на долгожданный бал. И эта смесь смерти и страсти мешала летнему спокойствию. Тогда еще никто не верил, что это все может затянуться надолго, а тем более – перевернуть мир с ног на голову. (...) Когда немцы вытеснили русскую армию из Восточной Пруссии и вошли в Сувалкию и Жемайтию, Литва стала полем войны со всеми вытекающими из этого последствиями. Толпы беженцев отступали на восток»⁵⁵.

При приближении фронта к Литве в связи с угрозой немецкой оккупации в глубь России (Санкт-Петербург, Москву, Воронеж, Тверь, Закавказье, и т.д.) эвакуировалось около 300 тыс. жителей Литвы⁵⁶ – примерно 10% всего населения. Большинство из них – по своей воле. Учитывая трудности военных лет, а также транспортные возможности того времени, для подобного «путешествия» из Литвы в глубь страны, можно представить, какую силу воли и решимость должны были иметь беженцы. В конце лета 1915 г., когда стало ясно, что Вильнюс в скором времени будет сдан немцам, в столицу империи эвакуировалась и половина Центрального Комитета Литовского общества благотворительной помощи потерпевшим от войны (далее – ЛОБППВ). Вместе с председателем ЦК ЛОБППВ Мартинасом Ичасом в Санкт-Петербург уехали его члены: депутат Думы юрист Пятрас Леонас, ксендз Константинас Олшаускас, барон Стасис Шилингас, ученый баллист Юозас Балчиконис, депутат Думы и видный общественный деятель Юозас Кубилюс, учитель Константинас Шакенис. Первое заседание этой части ЦК ЛОБППВ в столице империи состоялось уже 10 августа того же года⁵⁷.

Оставшиеся в столице Литвы члены ЦК ЛОБППВ 10 августа избрали своим председателем юриста Антанаса Сметону и продолжали свою деятельность. Именно благодаря активным действиям и инициативе А. Сметоны уже в конце 1915 г., вскоре

* Так в тексте – имеется в виду надушенными, причесанными, выглаженными и т.п.

⁵⁵ *Klimas P. Iš mano atsiminimų. Vilnius, 1990. P. 35.*

⁵⁶ До конца 1921 г. только по официальным данным в Литву вернулись около 200 тыс. беженцев войны. Еще около 10–15 тыс. разными путями приехали на родину позже. Значительное число беженцев вернулись в Польшу, в первую очередь в аннексированный поляками Вильнюсский край. Около 20 тыс. (из них примерно 5–7 тыс. этнические литовцы) остались жить в разных районах СССР. См.: *Kasparavičius A. Belaukiant Godo: Lietuvos užsienio politika Steigiamojo Seimo metais // Steigiamajam Seimui – 90. Pranešimų ir straipsnių rinkinys. Vilnius, 2011. P. 177–178.*

⁵⁷ *Rakauskaitė Jurgita, Lietuvių draugijos nukentėjusiems nuo karo šelpti veikla Lietuvoje. Bakalauro darbas. Vilnius, 2001. P. 5.*

после начала немецкой оккупации всей Литвы, в ЛОБППВ был учрежден тайный Политический комитет, который видел свою задачу в организации политико-дипломатической борьбы за восстановление литовской национальной государственности. Усилились связи между разными литовскими политическими центрами в самой Литве (Вильнюс, Каунас) и за рубежом, в основном в Западной Европе – Швейцарии, Швеции, Франции, Великобритании, Германии (где образовались большие литовские общины) и в США. Были организованы литовские политические конференции по поводу будущего Литвы в Берне, Гааге, Стокгольме, Париже, Лондоне. Уже в начале 1916 г. А. Сметона и его ближайшие соратники стали понимать, что кайзеровская оккупация, несмотря на всю ее жесткость, играет на руку литовским национальным интересам, так как она *de facto* освободила Литву от имперской власти и имперского суверенитета и, в силу затягивающейся войны и начинающегося политического диалога между Вильнюсом (Политический комитет ЦК ЛОБППВ) и Берлином⁵⁸, постепенно делает Литву субъектом международных отношений⁵⁹. В результате этих обстоятельств и процессов политической эмансипации литовской элиты уже в марте 1916 г. в Вильюсе впервые четко была сформулирована новая политическая цель литовского общества: полная независимость и восстановление литовского национального государства. Одновременно подготовлен и передан политическим лидерам Европы меморандум о политических целях Литвы, а германскому канцлеру еще и отдельный меморандум «Memoire concernant la reconstitution de l'Etat Lituanian», в котором доказывалась политическая польза восстановления литовской государственности для германского рейха⁶⁰. Вскоре, уже летом 1917 г., идея независимости охватила всю Литву и стала всеобщей⁶¹.

Вместе с тем в начале XX в. наблюдались обоюдные процессы в отношениях между имперским центром и народами национальных окраин – подданными Российской империи. Не были исключением и отношения между литовцами, формирующейся литовской нацией и империей. Достаточно выразительно

⁵⁸ *Lopata Raimundas, Lietuvių politinių centrų sąveika 1915–1916 metais // Lietuvių atgimimo istorijos studijos. Vilnius, 1991. P. 253–269.*

⁵⁹ *Purickis Juozas, Lietuvių veikimas Šveicarijoje Didžiojo karo metu // Pirmais Nepriklausomos Lietuvos dešimtmetis. Kaunas, 1930. P. 51.*

⁶⁰ *Gabrys Juozas, Lietuvos nepriklausomybės geneze. Chichago, 1928. P. 205.*

⁶¹ *Tyla A. Lietuvių tautos persiorientavimas į naujosios Lietuvos valstybingumą 1917–1918 metais // Lituania. Vilnius, 1999. T 1(49). P. 19–40.*

эта обоюдность проявилась и в деятельности ЛОБППВ в Вильнюсе в 1914–1915 гг. ЛОБППВ было основано 21 ноября 1914 г. благодаря инициативе, связям и активности депутата Думы Мартинаса Ичаса. Общество объединяло более чем 1600 членов. В годы войны оно стало основной организацией, которая занималась благотворительностью и заботилась о литовских беженцах военного времени: общество оказывало материальную помощь, открывало школы, приюты, помогало найти работу и даже помогало организовывать досуг⁶². Деятельность ЛОБППВ охватывала не только Литву, но и почти всю Российскую империю. Именно ее как организацию, выражающую интересы и потребности литовского общества, официально признавала и царская власть.

Судя по финансовым отчетам ЦК ЛОБППВ, с момента основания и до 1 июля 1915 г. (примерно до оккупации Литвы) имперская власть была основным финансовым донором организации. До 1 июля 1915 г. ЛОБППВ собрало всего 247 114 рублей пожертвований⁶³. Из них 130 000 рублей были пожертвованы Комитетом благотворительности великой княжны Татьяны. Разные организации и учреждения империи, а также частные лица внутри страны пожертвовали ЛОБППВ еще 55 295 рублей. За границей, в основном в Швейцарии, Франции, Италии, Швеции, Дании, было собрано еще почти 22 000 рублей. В уже охваченной войной Литве католическая церковь, разные организации, банки, редакции газет и частные лица пожертвовали беженцам войны около 29 000 рублей. В Литве же активистам ЛОБППВ удалось собрать еще почти 8000 рублей, организуя в основном в Вильнюсе и Каунасе разного рода развлекательные вечера и мероприятия в театрах, ресторанах, в кафе⁶⁴.

Таким образом, очевидно, что около $\frac{3}{4}$ пожертвований составляли средства, непосредственно полученные из империи. Надо полагать, что такая конъюнктура финансовых потоков и доноров ЛОБППВ тоже определенно влияла на взаимоотношения между периферией и центром, между литовцами и Россией, между литовским истеблишментом, элитой и империей как политическим

⁶² Расходы ЦК ЛОБППВ с 22.11.1914 по 01.07.1917 г.) // Lietuvių Draugijos nukentėjusiems dėl karo šelpiti apyskaita nuo 1914 m. 11.22 iki 1915 m. 07.01 d. Petrapilis, 1915. P. 102.

⁶³ Список пожертвований, полученных ЦК ЛОБППВ от 01.07.1915 (с 22.11.1914 по 01.07.1917 г.) // Lietuvių Draugijos nukentėjusiems dėl karo šelpiti apyskaita nuo 1914 m. 11.22 iki 1915 m. 07.01 d. Petrapilis, 1915. P. 104.

⁶⁴ Ibid.

и геополитическим фактором. В определенном смысле складывалось впечатление и формировалось мнение, что империя по мере своих возможностей заботится о своих подданных, а последние начинают больше чувствовать свою общность и связь с империей и имперской властью.

VI

Подводя итоги всему сказанному выше, можно, пожалуй, сделать три основных вывода.

Первое: российский фактор в геополитической мысли литовского истеблишмента в первой половине XX в., особенно в отдельных исторических периодах – 1914–1916 гг., 1920–1926 гг., 1930–1936 гг., в силу сложившихся определенных объективных и субъективных исторических, геополитических и культурных обстоятельств был доминирующим. Литовская политическая мысль, страдая недоверием к Польше, искала выход из геополитического тупика: Берлин–Москва–Варшава – и чаще всего находила его в лице России. Этому способствовали несколько сошедшихся вместе обстоятельств: российский культурный империализм и его наследие в Литве после Великой войны, довольно низкая, не искушенная опытом литовская политическая культура начала XX в., находившаяся практически в эмбриональном состоянии, крайне натянутые взаимоотношения с южным соседом – Польшей из-за национального противостояния и Вильнюсской проблемы и в отдельных случаях с западным соседом – Германией. Нельзя не учитывать также объективно большую геополитическую мощь России. В геополитической ситуации Литвы в первой половине прошлого века российский фактор сохранял большое значение при любых отношениях Литвы с другими великими соседями или третьими странами.

Второе: несмотря на такие тенденции или даже доминанты литовской геополитической мысли геополитическая действительность и практика международных отношений в первой половине XX в. были куда интереснее и переменчивее. Оккупация литовской территории кайзеровской Германией в конце 1915 г., а несколько позже и крах Российской империи радикально изменили геополитическую ситуацию для Литвы: *de facto* российский имперский суверенитет в Литве перестал действовать. Кроме того, в 1917–1918 гг. именно Германия стала наиважнейшим внешним фактором, способствовавшим возникновению собственной литовской политической мысли, которая привела литовскую культурную элиту, истеблишмент и Литву к Декларации независимости 16 февраля 1918 г.

Третье: стремление литовского истеблишмента в межвоенные годы возратить российский геополитический фактор во внешнюю политику Литвы и с помощью его «выровнять геополитическое положение Литвы», в силу геополитических пертурбаций середины XX в. и определенной исторической иронии, для Литвы вышел боком – современная Литва имеет государственную границу с Союзным государством России и Белоруссии на востоке, а с Россией еще и на западе. Сердитые стремления возратить российский геополитический фактор во внешнюю политику Литвы закончились тем, что Литовское государство, а заодно и вся Прибалтика по сути попали в российское геополитическое окружение.